

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**



Сергей ЗВЕРЕВ

**ПУЛЯ ИЗ
ДАМАССКОЙ
СТАЛИ**



Сергей Иванович Зверев

Пуля из дамасской стали

Серия «Спецназ ВДВ»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6222168

Зверев С. И. Пуля из дамасской стали : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66009-4

Аннотация

В Сирию для охраны российского посольства направляется отряд спецназа ВДВ. Служба в самом пекле Ближнего Востока оказывается не из легких: постоянные тренировки, дежурства, отражения нападений саудовских ваххабитов, провокации со стороны местного населения – все это физически и морально выматывает бойцов. Кажется, что десантники служат на пределе своих возможностей, и тяжелее быть не может. Оказывается, может. Внезапно активизируются мятежники – противники сирийского правительства. Они планируют провести массовую резню в одном из детских домов в городе Банаре и обвинить в убийствах федеральные войска. Местные власти просят российских спецназовцев защитить детей, и десантники срочно выдвигаются в сторону Банара...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	39
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Зверев

Пуля из дамасской стали

Глава 1

На секретной военной базе «Шторм», затерянной среди лесов Средней полосы России, где велась подготовка спецназа ВДВ, погожим летним днем царило оживление. Ждали высокого чина из Москвы с важными известиями, но вот что это были за новости, не знал никто, даже каптенармус Винчук, самый осведомленный человек на базе. Хотя одно лишь то, что были отменены плановые прыжки и многокилометровый марш-бросок по оврагам и болотам, уже говорило о многом.

Ближе к обеду на территории базы приземлился вертолет, из которого вышел незнакомый десантникам генерал-лейтенант в сопровождении пары полковников и трех майоров. Парней в голубых беретах и камуфляже, уже настроившихся на хавчик, в течение пары минут построили на плацу. Вместе с командным составом базы перед десантниками появился только что прибывший генерал Иванов, оказавшийся начальником особого отдела Министерства обороны. Он поприветствовал личный состав. Три сотни зычных глоток дружно проревели ответ, предусмотренный строевым уста-

вом. Потом гость вкратце рассказал о цели своего появления в их части.

— Как вы знаете, в современном мире обстановка чрезвычайно нестабильна, — особо отметил он. — В самых разных частях света зреют политические и социальные конфликты, которые очень скоро могут вылиться в гражданские войны. А на войне, как вы знаете, всегда прав только тот, кто сильнее. Никакие традиции и обычаи, местные законы, международное право не могут гарантировать безопасности тем, кто оказался в ее пекле. В том числе и дипломатам. Поэтому было решено усилить охрану некоторых наших посольств, направив туда дополнительные силы из контингента ВДВ. Вы — лучшие из лучших, прошли самую серьезную боевую подготовку. Каждый из вас способен сражаться с превосходящим по численности противником и выйти победителем из любой схватки. Но, учитывая ряд обстоятельств, в том числе и весьма высокие риски будущей службы, направляться будут только добровольцы. Желающие — два шага вперед, — не добавив команды «марш!», почти по-домашнему закончил генерал.

Десантники переглянулись, все как один дружно отмерили два шага и снова замерли, с интересом глядя на гостя. Теперь уже переглянулись генерал-лейтенант Иванов с командиром базы Нестеровым, который даже в документах министерства значился как майор N. Тот чуть развел руками, как бы поясняя — такие вот тут у нас орлы!

Отпустив десантников и своих помощников на обед, Иванов и Нестеров отправились в штабную двухэтажку, где засели за личные дела солдат. Поскольку служить в странах, пока еще не ставших горячими точками, желание изъявили все, а требовалось не более полусотни человек, высокому руководству пришлось заняться персональным отбором. При этом предпочтение отдавалось тем, кто имел наилучшую боевую, а также соответствующую «южную» подготовку, то бишь умение выживать в условиях пустынного Средиземноморья, знание ближневосточных языков, а также бытовой этики народов, проживающих там.

Часа через три генерал и майор изрядно подустали. От бумаг, исписанных разными почерками, у них начало рябить в глазах. Наконец-то отцы-командиры отвлеклись от праведных трудов и прошли в офицерский зал столовой, чтобы подкрепиться. Приняв по сто капель хорошего коньяка, они приступили к припозднившемуся обеду, неспешно обсуждая текущие дела. Майора очень интересовало ближайшее будущее его базы, да и ее дальнейшие перспективы. Выслушав его, генерал-лейтенант Иванов грустно усмехнулся и в нескольких словах пояснил, что самому хотелось бы знать о перспективах и этой базы, и многих других структурных подразделений Российской армии, да и ее самой как таковой.

– Знаете, сегодня мы все, что называется, в битом положении, – задумчиво глядя куда-то в пространство, негромко сказал он. – Я сам до сих пор никак не могу понять, к какому

же берегу причалит наша армия в итоге нынешних, мягко говоря, реформ. Если вообще причалит, а не пустит пузыри в процессе самой реорганизации.

По его словам, армия, которая и в самом деле уже давно требовала всесторонней модернизации, на самом деле меняется лишь внешне, чисто декоративно. А вот в глубинном плане произошла даже еще большая деградация в сравнении с тем, что было ранее. Бездумное сокращение, проводимое ради чисто механического уменьшения численности самых разных военных и подобных им структур, в немалой степени привело к ослаблению обороноспособности страны и возрастанию рисков стать жертвой агрессии даже не сверхдержав, а таких стран, как Турция или Польша, не говоря уже о Японии, заметно окрепшей за последние годы.

– Военная наука у нас в загоне. Секретные разработки стали легко доступны не только ЦРУ, Ми-шесть или «Моссаду», но какой-нибудь Саудовской Аравии, – сокрушенно покачивая головой, резюмировал Иванов. – Вы же помните Сергеева, нашего бывшего министра, который надумал объединить ПВО с военно-космическими структурами? Ну и что получилось на деле? Как говорят в народе, смесь дворняжки с мотоциклом. И то, и другое сдало позиции. Непонятно, почему выдающиеся реформаторы не захотели посоветоваться с военными теоретиками и практиками. Видимо, надо было дров побольше наломать. А сегодня и того хуже.

– А новый министр вроде бы из штатских был взят как

средство борьбы с военной коррупцией, – с оттенком иронии в голосе констатировал майор. – Вот только не знаю, оправдались ли ожидания на этот счет.

– С этим пока относительная тишина. – Генерал выдернул из вазочки салфетку и понимающе кивнул. – Конечно, есть масса всевозможных слухов. Но я и без этого знаю!.. Помните мое слово, и пяти лет не пройдет, как в нашей системе вылезет такая страшная коррупция, которая даже и при Ельцине не снилась. У нас ведь воровали всегда – и при царе, и при КПСС, и при демократах. Но хотя бы не зарывались и не нагнали. А эти министерские цыпочки, которых нынешний глава нашего ведомства тащит из Питера в военные структуры целыми взводами и ротами, ни черта не смыслят в обороне. Подозреваю, они более чем хорошо разбираются в том, как обналичивать бабки и прятать концы в воду. Мы им на хрен не нужны. Им требуется оптимизация бюджета, что в переводе на понятный язык означает одно: экономить на армии и класть себе в карман. Я уже замучился отбиваться от оптимизаторов, которые раз пять пытались прихлопнуть наш Центр боевого управления. Без него все наши внешние операции обречены на провал. Но им, похоже, и до этого дела нет.

Вскоре вновь было объявлено построение всего личного состава базы. Майор Нестеров держал в руках лист бумаги со списком десантников, отобранных для прохождения службы в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Он деловито, без излишнего пафоса, объявил:

– Бойцы! Я заранее прошу не обижаться тех, кто сейчас не будет назван. Речь не о том, что они хуже. Нет! Просто у тех, кого отобрал товарищ генерал-лейтенант, есть серьезная специальная подготовка. Если бы мы отбирали людей для выполнения боевых заданий в Заполярье, туда поехали бы совсем другие. Теперь о составе групп. Поскольку требовалось пять команд по десять человек, мы отобрали пятьдесят бойцов. Итак, внимание! Старшие групп: лейтенант Васильев, старший лейтенант Караметдинов, лейтенант Беккер...

После команды разойтись возле старших групп начали собираться парни, которым предоставили возможность самостоятельно выбрать себе ту или иную команду. Еще через полчаса пять десятков десантников в двух больших «Уралах» с брезентовыми тентами отправились к новому месту службы. С этого момента они числились в подчинении Центра боевого управления. В переднем «Урале» рядом с водителем сидел один из спутников генерал-лейтенанта Иванова, довольно молодой здоровенный майор, которому было поручено сопровождать десантников. Сам генерал отбыл на вертолете еще раньше.

Десантники глядели на лесные ландшафты, за последний год службы ставшие хорошо знакомыми, а теперь улетающие вдаль. С безмятежной беспечностью, свойственной молодости, парни обсуждали перипетии своего путешествия, строили предположения и просто болтали, что называется,

за жизнь.

Через несколько часов они продолжили свое путешествие на поезде, с которого глухой ночью сошли на каком-то малоприметном полустанке в сотне верст от Москвы. Там их уже ждали два автобуса с зашторенными окнами. Невыспавшиеся, измотанные дорогой, голубые береты тут же один за другим провалились в сон.

Проснулись они уже в расположении незнакомой воинской части. Выстроившись на плацу, десантники увидели того самого майора, который их сопровождал. Он что-то докладывал сухощавому, жилистому подполковнику. Тот просматривал какие-то бумаги, временами кивал, окидывал десантников внимательным взглядом.

Затем он встал перед строем, вскинул руку к козырьку и привычно заявил:

– Здравствуйте, товарищи бойцы!

Дружный ответ прибывших ему явно понравился.

Пройдясь взад-вперед, подполковник остановился, опять оглядел десантников и неожиданно произнес:

– Хат тамиль гуо эршеву?

Парни удивленно воззрились на него, напряженно силясь уловить смысл сказанного. Они сразу поняли, что это арабский язык. Но вот такая быстрая разговорная речь им оказалась не по зубам.

Лишь старший сержант Журбин, плечистый, светловолосый, с прямой четкой осанкой, мгновение помедлил и отве-

тил, чуть запинаясь:

– Куль мала дин эжелида!

Подполковник одобрительно улыбнулся, окинул взглядом Журбина и спросил:

– Ну и что же я сказал?

– Товарищ подполковник, вы спросили, кто у нас тут самый смелый. А я ответил...

– Стоп! – подполковник решительно вскинул руку. – Кто сможет перевести сказанное старшим сержантом?

– Разрешите? – откликнулся лейтенант Васильев. – Старший сержант Журбин сказал, что у нас все смелые.

– Неплохо, неплохо! – Подполковник потер пальцем спинку носа. – Чувствуется основательная подготовка. Значит, будем учиться дальше и приступим прямо сегодня. Через месяц вам надо будет знать арабский пусть и не на уровне профессионального переводчика, но уж на бытовом-то – вполне. Сейчас разместитесь в казарме, перекусите, пару часов отдохнете, а потом милости прошу в учебные классы. Система у нас простая. Получили «неуд» – пятикилометровый марш-бросок по пересеченной местности на зачетное время. Убыли в самовольную отлучку – десять километров. Впечатляет? Ну и отлично! Товарищ майор, проводите бойцов.

– Нале-во! – зычно скомандовал майор. – Прямо, шагом марш!

У десантников началась совсем другая жизнь, куда более

напряженная, нежели на базе «Шторм». Если раньше основной упор делался на физическую и специальную боевую подготовку, то теперь парням пришлось напрягать интеллект. Они по полдня зубрили арабские слова, все это время общались только на этом языке. Но и боевой подготовки тоже хватало. В частности, немало времени уделялось владению ножом и стрельбе из разных видов оружия.

К досаде некоторых десантников, их недавние заслуги здесь моментально обесценились. Попадать в яблочко нужно было на бегу, в падении, даже с завязанными глазами. Парни, которые прежде считались лучшими по ножевому бою, здесь оказались аутсайдерами. Они не выдерживали схваток с теми, кто прибыл на эту базу раньше них. В разных группах велась подготовка по Юго-Восточной Азии, Европе, Экваториальной и Южной Африке, обоим Америкам.

Инструктором по рукопашному бою был стремительный и легкий как тень Игорь Варенин. Новичкам казалось, что он являл собой саму силу, выносливость и проворство. Капитан Якимченко, который готовил ребят на базе «Шторм», тоже был хорош, силен и ловок, как тигр. Он владел всеми восточными единоборствами, имел черные пояса по карате и тхеквондо, но в реальной схватке, скорее всего, уступил бы Варенину.

Как-то парни разговорились с местным старожилом, старшим поваром солдатской столовой, и узнали от него невероятную историю. По словам рассказчика, Игорь Варенин до

прибытия на эту базу занимался профессиональным спортом: боевым самбо, дзюдо и боксом. Поговаривали, что в спарринге он запросто отправлял в нокаут чемпионов мира. Уже здесь, на базе, Варенин в самой полной мере овладел системой Кадочникова. Но ему и этого показалось мало. В первый же свой отпуск он отправился куда-то в дремучую глушь, где нашел каких-то шаманов, волхвов или ведунов и прошел загадочное посвящение огнем, водой и землей. Когда Игорь вернулся на базу, всем сразу стало ясно – это совсем другой человек.

– Так он что же, душу этому самому, который с рогами и копытами, продал? – хохотнул кто-то из парней.

– Дурень! – Повар покрутил пальцем у виска. – Он посвящение прошел, то есть стал частью природы, окружающего нас мира. Если сравнивать с деревьями, то он – как живая ель. А все мы – как те пластмассовые новогодние елочки. Понятно? Его питает энергией сама окружающая природа, а мы как тот радиоприемник. Без настройки хрен поймает какую волну. Она и к нам идет, эта самая энергия, но мы не способны ни принять, ни освоить ее. Я его как-то спросил, не свозит ли и меня в те края. Он на меня посмотрел. Нет, мол, Димка, тебя там не примут.

Вот такие пироги!

Кто-то в этот рассказ поверил, кто-то – не очень, но к своему инструктору десантники теперь стали присматриваться куда более внимательно. Они старательно перенимали его

манеру ведения боя, ловили каждый жест, любое слово. В этом особенно преуспел Журбин.

Как-то после занятия, в ходе которого отрабатывались системы бесконтактной защиты от любых атак, Варенин, выходя из спортзала, неожиданно приятельски хлопнул его по плечу и сказал:

– Молодец! Толк из тебя выйдет. В тебе есть дар настоящего воина. Будет время – покажу своим учителям. Думаю, они тебя примут.

– Скажите, товарищ инструктор... – начал было Журбин, но тот его перебил:

– Вне строя можешь обращаться ко мне просто по имени. Я понял, что ты хочешь спросить. Дескать, где эти учителя, что они собой представляют, не имеет ли посвящение чего-то общего с чернокнижием? Начну с конца – нет, это не чернокнижие. Абсолютно! Что касается прочего – в свое время все узнаешь сам. Но уже сейчас, чтобы себя изнутри почистить и привести в гармонию с этим миром, можешь выполнять ряд упражнений, дыхательных, физических, психологических. Теперь это чаще называют медитацией. Если не бросишь заниматься, то через год почувствуешь первые результаты. Они тебя очень удивят. Кстати, если кого-то из ребят эта система заинтересует – пусть тоже пробуют. За полчаса до ужина у вас по распорядку свободное время. Вот и приходите, кто хочет, в спортзал.

Игорь пожал ему руку и направился к штабу, а Журбина

окружили десантники, наблюдавшие за их разговором. Идею позаниматься некими особыми упражнениями все немедленно одобрили и объявили, что придут обязательно. Но ближе к вечеру, когда парни, несмотря на спецназовскую за-
калку, еле волочили ноги от усталости, в спортзал вместе с Журбиным пошли всего восемь человек.

Через несколько дней желающих постигать упражнения, позволяющие привести организм в резонанс с живой природой, осталось пятеро. К концу месяца – только трое. Они продержались до конца. На завтра была назначена отправка в Москву, откуда самолетом им предстояло лететь в столицы ближневосточных и североафриканских стран.

Игорь окинул их внимательным взглядом и удовлетворенно объявил:

– Теперь я точно знаю, кто гарантированно останется в живых и сможет вернуться домой.

Глава 2

В один из февральских дней две тысячи седьмого года главную военную контору страны огласила ошеломляющая новость. Офис оборонного ведомства в одночасье обратился в тревожно гудящий улей, к которому подобрался хронически голодный, недовольный всем сущим медведь-шатун. Из кабинета в кабинет кочевали всевозможные слухи о том, кто же сегодня займет кресло главного защитника Отечества. Сведения, просочившиеся из высших управленческих сфер, не внушали оптимизма ни единому сотруднику министерства.

Наиболее осведомленные персоны упорно твердили, что главным станет человек, далекий от армии, рафинированный коммерсант, да еще и не самого высокого пошиба. Назначение это чисто конъюнктурное, не имеющее ничего общего с интересами государства и общества. Продавил кандидатуру очередного «воеводы всея Руси» один из вице-премьеров, то ли его сват, то ли свояк.

Курилка в министерстве была вполне цивилизованно обставлена добротной офисной мебелью – диванами, столиками и креслами. Над шикарными заморскими кадками с иноземным грунтом зеленели всяческие монстры, бильбергии и канзуры. Здесь собрались несколько крупных военных чинов, которым наверняка было что обсудить. Они встреча-

лись тут и раньше, чтобы покурить, потолковать о текущих делах, поделиться новостями. Ну а в этот раз свела их в курилке общая тревога за будущее, свое личное и общее для всего министерства.

Заместитель министра в звании генерал-полковника, который отвечал за строительство крупных оборонительных объектов, выглядел особенно мрачным. Он заранее знал, что запросто может оказаться первым, кого новый босс выставит за порог ведомства. Годы далеко не молодые, да и место, занимаемое им, уж больно хлебное. На строительство тех же самых РЛС, стартовых комплексов для МБР, всевозможных объектов скрытого базирования государство отпускало немалые средства. Общеизвестно, что строительство – сфера особая. Явив соответствующую смекалку, тут можно было хорошо сэкономить в личных интересах. Главное – найти подходящего подрядчика. А остальное – дело техники.

Не очень радужно были настроены и генерал-лейтенант, отвечающий за учебу в войсках, и генерал-полковник, ведающий техническим контролем состояния техники, и вице-адмирал, курирующий порты и верфи. Достоверной информацией о новом министре никто не располагал. А слухи... Да как им доверять? Мало ли кто и что скажет?

Неспешно дымя кто сигаретой, кто трубкой, представители военной элиты говорили кратко и довольно односложно. Впрочем, причиной тому было не стремление к лаконизму, а дефицит информации.

Заметив молодцеватого полковника, проходившего по коридору с кожаной папкой под мышкой, вице-адмирал оживился и окликнул его:

– Владимир Викторович! Вы не очень спешите?

Полковник круто сменил траекторию, свернул влево, обогнул разросшуюся монстеру и подошел к представителям генералитета.

– Здравия желаю, – сдержанно улыбнувшись, негромко поприветствовал он их.

Этого человека некоторые из присутствующих знали довольно неплохо. Умница, скорый на ногу и легкий на подъем, полковник Стебельцов работал в отделе, отвечающем за контакты с представителями армий дружественных стран. Он знал с десяток языков, в том числе турецкий, грузинский, пушту, не говоря уже о европейских, и в некоторых случаях был незаменим.

– Скажите, полковник, вам что-нибудь известно о Федрюкове? – Генерал-полковник вопросительно воззрился на своего младшего министерского коллегу. – Вы ведь тоже родом из Питера?

– Так точно. – Стебельцов с чуть ироничной улыбкой мотнул головой. – Знаю его очень хорошо. Даже более чем. Как-никак выросли на соседних улицах.

– Ну-ка, ну-ка! – оживился молчавший до этого заместитель министра по специальным военным операциям, генерал-лейтенант ВДВ. – Если можно, то с этого места попо-

дробнее.

Полковник понимающе кивнул и негромко заговорил:

– Что я могу о нем сказать? Аркаша Федрюков был известной личностью в нашей школе. Учился средне, но вот по коммерческой части – жох еще тот! Что-то кому-то впарить, достать, перепродать – тут ему равных не было. У него вся жизнь – сплошной бизнес-проект. Его самая удачная сделка – последняя женитьба. К ней он шел долго. И вот, пожалуйста, теперь наш с вами министр.

– Ну, вам теперь, надо полагать, светит стремительное перемещение в генеральский состав и прямая дорога в первые замы? – Вице-адмирал саркастично усмехнулся.

– Ошибаетесь, товарищ вице-адмирал. – Полковник покачал головой. – Я чужой на намечающемся празднике жизни, поэтому уже подал рапорт об увольнении. Да и вы, господа, боюсь, не засидитесь. Федрюков идет сюда не для того, чтобы крепить оборону страны. Он желает ее оптимизировать. Думаю, для этого у него уже сейчас набрана целая команда веселых и находчивых. Не хочу быть законченным пессимистом, но, на мой взгляд, капут будет и министерству, и всей нашей обороне. Это тот же Чубайс, только в иной сфере деятельности. Разрешите идти? Честь имею!

Он продолжил путь, а в курилке повисло тягостное молчание.

Генерал-десантник сердито вдавил окурок в хрустальную пепельницу и сокрушенно пробормотал:

– Е-мое! Если все так и будет, как сказал полковник, то мы профукаем слишком многое. Скажем, весь Ближний Восток. А Дальний?! Да и в Закавказье можем утратить последние позиции. Тьфу, мать вашу так!..

Федрюков появился в холле министерского офиса поздним утром следующего дня с довольным, можно даже сказать, сияющим лицом завзятого бонвивана. Его сопровождала целая свита людей в штатском, в числе которых сотрудникам министерства удалось узнать одного из вице-премьеров. Новый министр окидывал стены, полы и потолки своих новых владений чуть рассеянным, но уже вполне хозяйским взором. Чувствовалось, что не все ему здесь нравилось. Во взгляде четко читалось: «Да, подзапустили конторку-то. Как-то тут все бедно и серо. И планктон какой-то скучный».

Вскоре в кабинете главы ведомства были собраны его заместители и начальники отделов министерства и Генштаба. Вице-премьер огласил указ, согласно которому с данного часа руководителем оборонного ведомства назначается Аркадий Федрюков, в недавнем прошлом владелец заводов, газет, пароходов, выпускник торгового института с месячными курсами при Генштабе. Должен же был военный министр хотя бы отличать систему залпового огня от полевой кухни! Жиденькие аплодисменты присутствующих не очень-то поддерживали некоторую патетичность тона члена правительства, охарактеризовавшего нового министерского босса как

эффективного менеджера, прорывного лидера и даже высококлассного управленца с колоссальным творческим потенциалом.

Сразу же после представления Федрюков отбыл незнамо куда вместе со своей шляпной штатской компанией. Впрочем, ни для кого из министерских никакого секрета тут не было.

– Коньяк поехали пить! – вполголоса резюмировал до-
нельзя разочарованный вице-адмирал, глядя вслед шляпам. Теперь уже все точно знали, что погоны с плеч полетят густо, хоть тротуары ими устилай.

Пессимистические прогнозы начали сбываться буквально на следующий день. Первым отправился выращивать на грядках клубнику заместитель министра, занимавшийся распределением финансов оборонного ведомства. Этим же днем в его кабинет вошла молодая блондинка, с лица которой не сходила многозначительная улыбочка. Как очень скоро стало известно из информированных источников, до последнего времени эта дамочка была финансовым директором торговой компании Федрюкова. Кроме того, всплыл и такой пикантный аспект, как взаимоотношения новоиспеченного министра со своей финансисткой, которые весьма далеко выходили за рамки чисто служебных.

Сбылись безрадостные ожидания и куратора военного строительства. В самом конце рабочего дня он получил черную метку. Ею стал приказ об отставке в связи с достиже-

нием предельного возраста, доставленный прямо в его кабинет. Генерал-полковник, вмиг обернувшийся отставной козы барабанщиком, был предусмотрительным человеком. Он заранее набил сумку так называемыми личными вещами: сувенирами, фотографиями, книгами, шахматами. Несколько лет назад их вручил ему президент одной из стран ближнего зарубежья. Надо признать, что российские военные строители оказали бывшей союзной республике весьма важную услугу. Отставник покинул свой кабинет, как говорится, с вещами. Он вышел из своей приемной, отчего-то вмиг опустевшей, и в коридоре нос к носу столкнулся с вице-адмиралом, своим недавним собеседником по курилке.

– Василий Николаевич! Это что же?.. – несколько растерялся тот. – Вы уходите? Ну, все, начал ломать дрова через колено наш великий стратег. Мать его!..

– А куда тут денешься? – Генерал-полковник пожал плечами. – Обычное дело. Новая метла по-новому метет.

– Это и козе понятно! – Вице-адмирал сердито махнул рукой. – Слышали? На ваше место, говорят, тоже собираются посадить какую-то мадам. Нашли, блин, строительницу! Думаю, если она что и умеет, так это своему боссу глазки строить. Кстати, уже появился новый анекдот. Короче, Федрюков одержал свою первую военную победу, едва заняв новый пост. Два офицера ЦРУ сдохли со смеху, узнав, кого в России назначили руководить обороной.

Несмотря на напряженность ситуации, генерал-полков-

ник невольно рассмеялся. Он зашагал к выходу, но в этот момент его кто-то окликнул. Обернувшись, он увидел своего коллегу, спускающегося по лестнице. Тот шел точно с такой же сумкой.

Утренней порой Аркадий Федрюков восседал за своим столом и просматривал списки высшего командного состава, обреченного на вылет. По его правую руку стоял генерал-майор, временно исполняющий обязанности кадровика, и следил за концом авторучки министра, медленно перемещающимся сверху вниз по графам простыни, содержащей в себе десятки фамилий. Время от времени он вносил те или иные пояснения.

Когда авторучка достигла графы, в которой значилось: «Генерал-лейтенант В. Ю. Иванов, Центр боевого управления», кадровик деликатно закашлялся и негромко сообщил:

– Аркадий Эммануилович, мне кажется, судьбу этой кандидатуры есть смысл обдумать еще раз. Видите ли...

– Пока не вижу! – бесцеремонно перебил его министр, недовольно морщась. – Чем он так ценен, этот Иванов?

– Видите ли, Аркадий Эммануилович, он возглавляет Центр боевого управления, – стараясь придать своим словам наибольшую убедительность, торопливо заговорил генерал-майор. – Это особо секретная структура, которая выполняет самые ответственные силовые операции за пределами России. Только он знает десятки людей, которые в дан-

ный момент находятся в разных странах мира, где, в частности, базируются самые отъявленные террористические группировки.

– Пусть так, но в чем же смысл их нахождения в чужих государствах? – Все больше раздражаясь, Федрюков постукал по столу концом авторучки. – Диверсии, устранение каких-то политиков или тех, кого Иванов сочтет террористами? Не слишком ли широки его полномочия? Тоже мне, Джеймс Бонд нашелся. Подобными вопросами занимаются ГРУ и ФСБ. А эта казарменно-патриотическая самодеятельность с какого бока-припека? Как она вообще согласуется с российским и международным правом?

– Аркадий Эммануилович, Иванов закрывает те проблемы, которые находятся за пределами полномочий и возможностей названных вами служб. – Генерал-майор растерянно развел руками.

Он уже и сам был не рад, что затеял этот разговор. Но знал он и другое. Иванова нужно отстоять во что бы то ни стало. Эта в известной степени недалекая, но чрезвычайно заносчивая и амбициозная, сугубо штатская шляпа заняла жизненно важный для страны пост. Федрюков запросто может натворить такого, что уже завтра Россию не спасут и все святые угодники. Поэтому, рискуя нарваться на разнос, необходимо было убеждать, убеждать и убеждать.

– Надо учесть, что этот центр был создан по личному распоряжению президента. О своей работе Иванов докладывает

ему напрямую, – продолжил кадровик.

– Что?! – На лице Федрюкова обозначилось возмущенное удивление. – А не много ли чести? В общем, так. Пусть пока работает, но доклады будут идти строго через мой кабинет. Кого еще ты тут хотел оставить? Агафонова? Нет, этого на пенсию. Была информация, что он замешан в злоупотреблениях. Мы обязаны очистить армию от коррупции и казнокрадства. Все, иди. Кроме Иванова – всех в приказ на увольнение. Свободен!

– Есть! – Уже складывая бумаги в папку, генерал-майор услышал звонок личного сотового министра.

Тот поднес телефон к уху и расплылся в умильной улыбке.

– Да, солнышко, да. И тебе того же, радость моя...

Обернувшись к кадровику, все еще пакующему бумаги, министр изобразил недовольный вид и резко замахал рукой.

Тот поспешил к выходу, но успел услышать:

– Да, конечно, завтра и приступишь.

«Еще одну свою сучку сюда перетаскивает, – выйдя за дверь, отметил кадровик. – Не министерство стало, а какой-то гарем арабского шейха!»

В коридоре его едва не сбил с ног пожилой мужчина в штатском костюме. Он выскочил из кабинета одной из ставленниц Федрюкова с перекошенным от ярости лицом. Это был один из питерских, взятый в министерство на должность консультанта по финансам и материальным объектам.

– Стерва тупая! Кошелка гребаная! – потрясая крепко

сжатыми кулаками, прорычал консультант. – Ой, простите, ради бога! Я вас не задел? – Он увидел кадровика и поспешно шагнул назад.

– Нет-нет, все в порядке! – дружелюбно улыбнулся тот. – Не удалось найти консенсуса? – Генерал-майор кивком указал на дверь кабинета заместителя министра по коммунально-бытовым объектам.

– Да с этой стервой сам черт не найдет консенсуса. – Консультант достал из кармана чистый носовой платок и промокнул им взмокший лоб. – Зараза неблагодарная! Она моя ученица, причем не из самых одаренных. У нее был только один дар – в нужное время перед нужным чином ноги раздвинуть. А теперь взлетела чуть повыше и уже земли под собой не чувствует. Нет, ну это ж надо?! Дважды два без калькулятора не сосчитает, а туда же. Хватит, ну их всех на хер! Сегодня же уйду. Пусть сами что хотят, то и делают.

Что-то сердито бормоча на ходу, он быстро зашагал прочь. Из бокового коридора вышли две недавно принятые федюковские цыпочки в ультрамодных нарядах, сверкая украшениями и расточая ароматы умопомрачительно дорогих духов. Они продефилировали мимо кадровика, со смехом обсуждая какие-то свои проблемы.

«Ой, мать честная! С начала времен тут еще такого не творилось! – Поглядев им вслед, генерал-майор покачал головой. – Дальше-то что же будет?»

Глава 3

За бортом авиалайнера ровно и победно пели реактивные турбины, унося его в полуденную сторону, где никогда не бывает настоящей зимы, лето нескончаемо, а солнце в июне поднимается почти в зенит. Александр Журбин, одетый, как и все его спутники, в гражданский костюм неплохого покроя, сидел в кресле и с интересом глядел в окно. В этот момент они летели над Черным морем, держа курс на Дамаск. Внизу, в разрывах облаков, куда ни глянь был виден бирюзовый морской простор. Он посмотрел на новенькие наручные часы, купленные перед вылетом, и нажал на кнопку выдачи дежурной информации. На мониторе тут же высветилось: «22 июня 2008 года». Это был день его рождения. Сегодня Сашке исполнилось двадцать два.

«Надо же, какое совпадение! – улыбнулся он своим мыслям. – И что бы это значило? А может, вообще никакого смысла в этом нет? Ладно, что будет, то и будет. Главное – долететь до места назначения. Интересно, хоть кто-нибудь вспомнит, что у меня сегодня день варенья?»

Как бы откликаясь на его мысли, Борька Еремин, сидевший рядом с ним, неожиданно толкнул его локтем в бок и осведомился:

– Саня, а ты же, по-моему, сегодня именинник, да? Точно?! Ну, ни фиги себе! Парни! У нашего Санька день рожде-

ния! Саша, поздравляю, желаю тебе удачи, удачи и еще раз удачи! – провозгласил он.

Их спутники, разбросанные по всему салону, начали подтягиваться к тому месту, где сидел Журбин, тоже желая поздравить своего товарища. Старший лейтенант Горяев, командир их группы, достал откуда-то плоскую фляжку с коньяком, на неплохом английском выпросил у стюардессы-ливанки пять бокальчиков для фруктовой воды, разлил по ним благородный напиток и от имени всей команды поздравил Сашку с днем рождения.

Другие пассажиры, с интересом наблюдавшие за происходящим, наконец-то уразумели, что у этого интересного рослого парня персональный праздник. Эта новость заметно подняла настроение всех пассажиров. Зазвучали поздравления на разных языках. Несколько русских бизнесменов и туристов, летевших этим же рейсом, тут же пожелали принять участие в праздновании дня рождения своего соотечественника. Как по мановению волшебной палочки, откуда-то появились несколько бутылок вина и водки, изрядное количество закуски.

Горяев уже успел пожалеть о том, что к персональному празднику его подчиненного было привлечено столь широкое внимание. Он попытался убедить попутчиков в предпочтительности куда более скромного, сдержанного торжества, но тщетно. Почти сразу же почин русских поддержали трое немцев, финн и два прибалта. Оскоромились, употребив со-

рокаградусной, и несколько правоверных, успевших освоить некоторые древние застольные российские традиции.

Неожиданно кто-то тронул Сашку за плечо. Он уже несколько захмелел, но соизволил оглянуться и увидел перед собой смуглую женщину, в которой не без труда распознал цыганку по яркой косынке и крупным бусам. Она без особых церемоний взяла его правую руку, некоторое время рассматривала линии на ладони, после чего что-то сказала на своем родном языке, однако тут же поправилась, перешла на ломаный русский. Насколько Журбин смог ее понять, цыганка сообщила, что жить он будет долго, однако опасных испытаний ему выпадет немало. Женится он через четыре года на той, которую еще не встретил. Но цыганка предупредила, что больше всего ему нужно опасаться человека с разорванным ухом.

– Это твоя смерть! – сказала она, собираясь уходить на свое место. – Однако ты с ней можешь разминуться, если вовремя ее узнаешь.

Выслушав столь откровенный прогноз, Сашка некоторое время пребывал в прострации. По словам гадалки выходило, что однажды ему предстоит встреча с загадочным, смертельно опасным типом, у которого разорвано ухо. Кстати, какое – правое или левое? Но Журбина обескуражило вовсе не это предупреждение, а предсказание, касающееся его будущей личной жизни. У него уже два года полным ходом развивался роман с бывшей одноклассницей, с которой он случай-

но встретился, приехав в отпуск к родителям. Алла в ту пору училась в юридическом институте. Внезапно похорошевшая, совсем не похожая на ту егозу с мышинными хвостиками, какой Сашка помнил ее со школы, она вскружила ему голову с первой же их встречи.

Он очень жалел, что им не удалось повидаться перед отправкой в Сирию, однако они очень тепло поговорили по телефону. Узнав, что ее суженого на целый год отправляют за границу, Алла огорчилась, но сказала, что любит его и обязательно дождется. И вот вам здравствуйте! Такой неожиданный поворот.

– Чего она тебе там наговорила? – поинтересовался Борька, но Журбин со смехом отмахнулся:

– Да так, ерунда всякая.

Спецназовцы объявили себя командой по многоборью. Когда не на шутку разгулявшиеся бизнесмены узнали об этом, они тут же предложили выпить за спортивные успехи, но поддержки не получили. Очень кстати последовало объявление о том, что самолет готовится к посадке, всем пассажирам следует занять свои места и застегнуть ремни безопасности.

Всего через три с лишним часа самолет, стартовавший в Шереметьево, приземлился на древней земле Сирии. Десантники, немало времени посвятившие изучению здешней истории, географии, нравов и обычаев, с любопытством вглядывались в аэродромные постройки. Перед посадкой

они рассматривали субтропические ландшафты этой страны, хорошо различимые с большой высоты и никак не похожие на пейзажи Средней полосы России, в том числе и Подмосковья.

Пройдя таможню и получив свой багаж, парни направились к выходу, на стоянку автотранспорта. Их сопровождал сотрудник посольства, секретарь-референт, еще молодой парень, недавний выпускник МГИМО. Спецназовцы с интересом рассматривали местную публику, во многом не похожую на российскую. В просторном зале ожидания, прямо на каменном полу, сидели женщины, около двух десятков, все в местных одеяниях – что-то наподобие синих и черных долгополых халатов с длинным рукавом. Их головы закрывали большие белые платки. Между ними бегали ребятишки, что-то крича на родном языке.

– Да, тут мини-юбок не увидишь, – подмигнул сопровождающий, назвавшийся Вадимом. – Это Восток. Тут вообще, надо сказать, каждый квадратный метр территории – историческая реликвия. На сегодня Дамаск считается самым древним городом земли. Люди обитают здесь уже более шести тысячелетий.

– А так, вообще, как тут обстановка? – поинтересовался Горяев. – К русским как относятся?

– Нормально! – Вадим широко улыбнулся. – Народ доброжелательный, гостеприимный, иногда даже чересчур. Ну а к нашему брату тут вообще отношение хорошее. Мы ведь

с сирийцами союзники. Если бы не наша поддержка, их давно уже смял бы тот же Израиль. У них сейчас проблема с иракскими беженцами. Тут своего-то населения около двадцати миллионов. А из Ирака, после того как там америкосы наколбасили, приперло не менее полутора миллионов – это по самым скромным подсчетам. Попробуй прокормить такую ораву при всем том, что и своих безработных хватает.

Парни выбрались из здания аэропорта с зубчатым краем крыши над фасадом и расписными окнами от пола до потолка и подошли к микроавтобусу, за рулем которого сидел пожилой сириец. Десантники загрузились в салон, сложили в его задней части дорожные сумки и рюкзаки, а потом продолжили разговор со своим сопровождающим. Услышав вопрос Сашки Журбина об отношении сирийцев к американцам, тот пояснил, что оно достаточно тактичное, однако в целом прохладное.

– Самих америкосов я тут встречал немало, и претензий к ним у меня нет. – Вадим чуть пожал плечами. – В принципе, народ они неплохой. У них тоже всяких хватает. Есть ребята башковитые, но полно и типичных ковбоев откуда-нибудь из Айовы, которые до сих пор уверены в том, что в России водку пьют с самого рождения, а по улицам городов ходят медведи в кумачовых рубахах и играют на балалайках.

В салоне раздался дружный смех. Водитель, который, судя по всему, понимал русскую речь, оглянулся и тоже улыбнулся за компанию. Они мчались куда-то на северо-запад

по отличной асфальтированной трассе, какой позавидовало бы немалое число подмосковных дорог. По обеим сторонам шоссе высились кипарисы, финиковые пальмы и другие незнакомые тропические растения, за которыми виднелись живописные, вполне благоустроенные поселки. Да, что ни говори – столичный регион.

– Ну а с политиками американцам не очень повезло, – продолжал рассуждать Вадим. – Я когда еще в школе учился, с батей ездил в Ирак. Он у меня инженер, помогал налаживать какое-то механосборочное производство. Отличная была страна. Жили нам на зависть. Что было у нас в девяностые, и что у них – земля и небо. Надо же было такую страну так разорить!

– Буш – это сам иблис, нечистый, дьявол! – экспрессивно подтвердил шофер и энергично закивал. – Америка – страна сатаны!

Около сорока километров пути, отделяющего аэропорт от столицы, микроавтобус преодолел за полчаса. Как заметили десантники, здесь на трассе особо не лихачили. По словам Вадима, даже за городом больше восьми десятков верст в час давать нельзя. Здешние гаишники выписывали весьма ощутимые штрафы.

Вскоре начались пригороды, где скорость движения упала вдвое, если не более того. Спецназовцы уже знали, что российское посольство находится на улице, применительно к русскому произношению именуемой Омар Бен Аль Хот-

таб. Вырулив на главную улицу Дамаска Шариа Ан-Наср, водитель еще больше сбавил скорость. Начался час пик, и транспорта у перекрестков под светофорами скопилось предостаточно. Вадим, войдя в роль экскурсовода, рассказывал о достопримечательностях, которых здесь было с избытком, прежде всего памятников старины. Ткнув рукой куда-то вправо, он сообщил, что там находится площадь Павших, одна из самых больших в городе.

– От Шариа Ан-Наср к ней можно пройти несколькими улочками, но туристы на них обычно не суются, – хитро улыбнувшись, сообщил он.

– Что, могут прижать какие-нибудь тутошние гопники? – прищурился курянин Серега Приберегин, грубовато сложенный парень с тяжелыми кулаками.

– Нет, просто по местным меркам это место считается непристойным, – пояснил Вадим. – Там полно всяких салонов, притонов, гостиниц определенного пошиба. Нет, насчет убить или ограбить – едва ли. Но вот карманы очистят запросто, и глазом моргнуть не успеешь. Так что, парни, в увольнении будете – сюда лучше не заглядывайте. К тому же могут возникнуть проблемы с местной полицией.

– Ну а что, в лобешник какому-нибудь излишне бойкому перцу дать никак нельзя? – белозубо ухмыльнулся рыжеусый туляк Федька Антохин.

– Нежелательно. – Вадим покрутил головой. – Если возникли какие-то заморочки, трения, вы видите, что вас соби-

раются кинуть, лучше орите на всю улицу: «Мухабарат!»

– А это что за волшебное слово? – заинтересовался Горяев.

– Так здесь называется аналог нашего бывшего КГБ. Гарантирую, что это тут же остудит любую излишне горячую голову. Мне как-то довелось этим воспользоваться. Я у одного торговца решил прикупить сувенир. Он назвал цену, поторговались, как положено. Я дал ему деньги – сорок фунтов, их тут еще лирами называют. Он их в карман сунул и давай напирать – получил только тридцать. Ну а я ему с таким многозначительным видом: «Мухабарат!» Он тут же вспомнил, что я с ним расплатился, как договорились, и все, полный порядок.

– Как там? – полюбопытствовал белобрысый оренбуржец Володька Плужников. – Му-ха-ба-рат? Правильно? Блин, надо запомнить.

Микроавтобус свернул налево, потом направо, еще куда-то и покатил по относительно свободной трассе, идущей вдоль высокого кирпичного ограждения. По самому его верху была дополнительно пущена сетчатая «ахтырка», из-за которой виднелась обычная многоэтажка.

– Ну, вот мы и прибыли! – объявил Вадим.

Вскоре они проехали через ворота, у которых стояли два охранника в синей форме, и оказались на просторном дворе. Двухэтажное здание посольства выглядело достаточно оригинально. Между окнами из его крупноблочных стен во всю

их высоту выступали широкие пилоны, на которых как бы покоилась массивная плоская кровля. От входа, опираясь о две небольшие колонны, во двор выдвигался длинный бетонный козырек, перед которым под солнечными лучами искрился бассейн с чистой водой.

Рядом со зданием высился флагшток, на верхушке которого колыхался российский триколор, а чуть дальше стояла многоэтажка, в которой проживали сотрудники посольства. Здесь были свои школа и детсад, а также небольшая амбулатория.

Сашка Журбин вышел из автобуса, огляделся, запрокинул голову, оценил бездонное сирийское небо и удовлетворенно резюмировал:

– А мне здесь нравится. Прямо как на курорт попали!

Кто-то из его спутников согласился с этим. Мол, да, с назначением прямо натуральная пруха подвернулась.

Однако извечный скептик Федька Антохин был иного мнения и не замедлил его высказать:

– Саня, ты не забывай, что нас сюда не просто так прислали. И раз мы тут, значит, в самом скором времени наши навыки очень даже могут понадобиться в каком-то реальном деле.

То ли соглашаясь с ним, то ли думая о чем-то своем, Вадим быстро взглянул в его сторону и чуть заметно кивнул. Он попросил десантников подождать на лавочках в тени и ушел за местным комендантом-хозяйственником. Парни,

обмениваясь впечатлениями, осматривали территорию и ее объекты, наблюдали и за посетителями посольства. Вскоре вместе с Вадимом к десантникам подошел крупный дядька лет за пятьдесят, с пышными усищами, похожий на типичного боцмана с какого-нибудь старинного фрегата.

– Анатолий Гордеевич, – добродушно шурясь, представился тот. – Ну, что, ребята, с дороги здорово проголодались?

– Да, перекусить не мешало бы, – откликнулся Горяев.

– Тогда идемте. – Комендант махнул рукой, и парни отправились следом за ним в небольшую столовую для охраны и обслуживающего персонала, которая была оборудована на первом этаже жилого здания.

Рассевшись в помещении, оформленном в местном духе, с арабесками и затейливыми восточными узорами на стенах и потолке, парни обнаружили, что меню представляло собой смесь блюд русской и сирийской кухни. Кроме традиционных щей и пельменей в нем оказалось немало таких блюд, о которых они даже и не слыхивали – макдус, кабса, мхалабие и прочая экзотика.

Обед прошел очень быстро. Съеденное и выпитое в самолете давно уже стало одним лишь приятным воспоминанием, поэтому процесс приема пищи протекал весьма и весьма энергично. Выйдя из столовой, десантники увидели крепкого поджарого мужчину средних лет с военной выправкой, в таком же костюме, в какие были одеты охранники.

Судя по всему, он поджидал их, шагнул навстречу и представился:

– Начальник охраны Таранов Леонид Алексеевич. Кто старший? – спросил он, глядя на Горяева.

– Командир подразделения спецназа ВДВ, старший лейтенант Горяев, – четко, по-военному отрекомендовался тот, но Таранов быстро переспросил:

– Имя-отчество можно? Видите ли, я и сам майор запаса морской пехоты, но здесь мы люди почти что штатские. Поэтому и вам придется общаться по имени-отчеству.

– Петр Михайлович, – понимающе кивнув, добавил Горяев.

Следом назвали себя и все остальные.

– Ну что ж, сейчас с Анатолием Гордеевичем вас расквartiруем, потом я вас введу в курс дела, и мы определимся с графиком дежурств.

Глава 4

У десантников началась рутинная караульная служба на территории российского посольства. Теперь численность охраны возросла до двенадцати человек, и вместо прежних двоих на дежурство заступали сразу четверо. Двое штатных охранников, как и прежде, дежурили у ворот, а двоим спецназовцам ВДВ было поручено контролировать как всю территорию посольства, так и ту, что прилегала к ограждению. В ходе дежурства десантники внимательно обследовали места, где могли появиться подкопы, шурфы, закладки взрывных устройств, установлены системы наблюдения и прослушивания.

В напарники Александру Журбину был назначен Федор Антохин, немного ворчливый, иногда излишне пессимистичный, но скрупулезно-внимательный и дотошно-въедливый. Туляк являл собой живое опровержение всеобщего стереотипа. Рыжих парней обычно представляют излишне егозливými, бесшабашными, жизнерадостными, нахальными, пробивными, в чем-то даже бесцеремонными. Если бы существовал стенд «Образцовый спецназовец ВДВ», то этот сдержанный и педантично аккуратный в одежде боец мог бы служить для него живой иллюстрацией.

Десантники, которым дежурить выпадало днем, по военному обыкновению спозаранку выходили на пробежку, а за-

тем занимались на хорошо оборудованной спортплощадке. Они проводили спарринги, на которые приходили посмотреть и охранники из старого состава, в котором преобладали отставники, прежде служившие во внутренних войсках. Их иногда называют «вованами». Покуривая, парни одобритительно комментировали те или иные моменты учебных схваток, качество проведения приемов. Кое-что они даже пытались перенять. Десантники охотно делились опытом. Все же они теперь были одной командой. Иногда получалось так, что на площадке появлялась сразу вся группа десантников. Тогда посмотреть на их занятия выходили даже некоторые обитатели многоэтажки.

Обмундирование, которое десантники привезли к новому месту службы, надеть им так и не довелось. В первый же день они получили стандартную синюю униформу. Да и поселили их в блоке охраны, и теперь они ничем не отличались от сотрудников государственного предприятия «Сириус». Сделано это было неспроста. Учитывая нагнетание информационной истерии вокруг Сирии, российский МИД не хотел дать повода западным ультралиберальным писакам заявить о том, что на территории нашего посольства в Дамаске расквартировано целое подразделение регулярной армии.

Сашка в первые дни никак не мог привыкнуть к новой форме – куртке-рубашке и штанам свободного покроя из тонкой, очень легкой ткани. Его раздражала и кепка-бейсболка с длинным козырьком. То ли дело родной десантный берет!

Но со временем он освоился с новой одеждой и стал чувствовать себя в ней гораздо увереннее.

Стоял самый обычный июльский день. Сашка и Федька Анохин заступили на очередное дежурство и распределили подконтрольные территории. Они традиционно дернули спички и разошлись каждый в своем направлении. Федор зашагал вдоль внутренней стороны длинного ограждения. Александр Журбин вышел через ворота на улицу и неспешно двинулся вдоль наружного периметра. Он изучал окружающую обстановку и сопоставлял только что увиденное с тем, что заприметил и взял на контроль сутки назад.

Беззаботно насвистывая, он шагал по тротуару, наблюдая за потоком автомобилей, проносящимся слева от него. Свернув вправо, он продолжил свой путь по широкой вымостке, усыпанной мелким розовым камнем. Метрах в сорока слева высился жилой квартал, утопающий в зелени, застроенный домами в три, четыре и пять этажей. Впереди, за неухоженным сквериком, виднелись еще какие-то постройки, то ли развлекательные заведения, то ли местный общепит. Сашка прошел до конца этот участок стены и снова свернул направо. Теперь он шагал в сторону трехметрового, поросшего молодой зеленью прохода между ограждением посольства и стеной, высящейся слева. По словам охранников, за ней располагалось какое-то учебное заведение закрытого типа, что-то вроде элитного медресе.

Внешне здесь тоже все было спокойно. Но Сашка с какого-то момента вдруг ощутил непонятное внутреннее напряжение. Ему казалось, что сейчас он шел по горному ущелью и ему на голову в любое мгновение могла свалиться каменная глыба. Как видно, методики Игоря Варенина начали давать свои результаты. Сашка старательно отрабатывал их в свободные часы, которых у него сейчас было существенно больше, нежели во время подготовки на учебной базе. В моменты сильного нервного напряжения его чутье на всевозможные опасности теперь обострялось необычайно. Он начинал ощущать наличие какой-либо угрозы еще до того, как она могла бы дорасти до своего крайнего, критического уровня.

Кругом было безмятежно. Крики птиц на вершинах деревьев, растущих за стеной медресе, да звуки местных национальных инструментов, доносящиеся откуда-то издалека, создавали убаюкивающий звуковой фон. Сашка прошел еще с полсотни шагов и вдруг почувствовал: сейчас! Он не знал, что именно «сейчас», но с этого мгновения превратился в сплошной нерв, в живую антенну, улавливающую любые, самые слабые сигналы, поступающие из окружающего мира. Его почти не удивило, когда впереди, слева, из-за ограждения медресе внезапно появилась женская фигура, с макушки до пят во всем черном. На виду оставались лишь ее глаза.

Но Журбин мгновенно понял, что это подсадная утка, задача которой – отвлечь его внимание. Он резко обернулся и

тут же увидел двух рослых бородачей, бесшумными тенями спрыгнувших с ограждения медресе.

Ему еще ни разу в жизни не доводилось бывать в подобной обстановке, отнимать чужую жизнь своей рукой. Несколько командировок на Кавказ вылились в нескончаемую беготню по лесам и горным склонам, в стрельбу из автомата и других видов оружия, в поиски следов банд ваххабитов. Во время тех погонь он реально рисковал жизнью, но вот так, лицом к лицу, сталкиваться с реальным врагом ему еще не доводилось.

В ходе спаррингов он отрабатывал схватку сразу с несколькими противниками. Но это были учебные бои, проигрыш в которых мог обернуться лишь укоризненным «Эх ты!» инструктора. А теперь перед ним наверняка находились настоящие матерые убийцы, на счету которых уже не одна загубленная жизнь. Ставка в предстоящей драке была наивысшая – его собственная голова. Впрочем, и этих двоих тоже. Теперь – прямо сейчас! – Журбин был, наверное, просто обязан отнять у них жизни.

Судя по всему, бородачи никак не ожидали, что будут обнаружены русским слишком рано, и поэтому открыто набросились на Журбина.

– Ты покушался на нашу сестру, неверный! – завопил один из них по-арабски.

Сашка успел оправиться от недолгого шока, в долю секунды сумел настроиться на безжалостную, самую беспощад-

ную схватку, без малейших сомнений и тени жалости к самому себе и этим двоим. Он с кошачьей ловкостью выполнил быстрый кульбит назад, что помогло ему уйти от удара длинного армейского ножа, и почти сразу же перешел в атаку. В момент только что продемонстрированного им стремительного – на зависть циркачу! – кувырка с опорой руками о землю он успел захватить горсть грубоватого грунта, являющего собой смесь крупного песка с галечником. Едва встав на ноги, Сашка мгновенным и точным броском отправил его в лицо одному из нападающих. Тот вовремя не среагировал, не успел зажмуриться, с воплем отпрянул назад и отчаянно замотал головой.

Второй свирепо оскалился и продолжил атаку. Он мощно выбрасывал ноги, выписывал холодной сталью ножа зигзаги и восьмерки. Журбин уловил начало движения руки с ножом влево, взметнулся в высоком прыжке, не дал руке нападающего вернуться назад и заблокировал его предплечье левой ногой. Твердое ребро подошвы его правого ботинка в этот же миг сокрушительно впечаталось прямо в волосатый кадык бандита, сминая и ломая хрящи. Мягкие ткани горла превратились в кровянистое месиво, стремительно сдавливающее деформированную гортань и трахею.

Бородач безумно выпучил глаза, разинул рот. Его лицо перекосилось в страшной муке. Он выронил нож и рухнул на землю. Его били конвульсии, тело корчилось от жуткого удушья. Второй бандит за эту пару секунд успел проморгаться,

но ни убежать, ни атаковать уже не смог. Боковым зрением Сашка заметил, что женщина в парандже, напряженно наблюдавшая за схваткой, внезапно вскинула руку с пистолетом.

Журбин выполнил молниеносный нырок с уходом влево и одним прыжком достиг бородача, замахивавшегося на него кривым восточным кинжалом. Почти одновременно с этим где-то совсем рядом пропела пуля, потом до Сашки донесся звук выстрела, смягченный глушителем. В следующее мгновение Журбин сумел перехватить свободную руку бандита. Он четко отработанным приемом заломил ее за спину здоровяку и укрылся за ним от пуль. Выстрел! Бородач вскрикнул, обмяк и начал оседать. Сашка чуть придержал его левой рукой, правой подхватил кинжал, выпадающий из разжавшейся кисти, и точным посылом метнул его в цель. Журбин слишком поздно вспомнил, что перед ним женщина. В горячке этой совершенно бешеной, сумасшедшей схватки он уже не мог о чем-то думать, что-то анализировать, рассуждать. Он действовал, как некая боевая машина, работающая в автоматическом режиме.

Узкий, длинный, кривой клык стали в долю секунды преодолел десятиметровое расстояние и без малейшего сопротивления вошел в тело, окутанное темной тканью, где-то в области сердца. Рукоять кинжала описала короткий полукруг и замерла, упершись в грудь женщины. Она судорожно взмахнула руками и без единого звука рухнула навзничь.

«Мать его так! – Сашка разом пришел в себя, отбросил тяжеленный, как мешок, набитый свинцовой дробью, труп бандита. – Надо же мне было так насобачиться нож метать! Хотя бы в плечо попал. Тьфу, зараза!...»

Он понимал, что женщина входила в эту странную шайку и пыталась его убить. Но ему все равно было тошно, потому что он лишил жизни эту чертову дуру. Она ведь была намного слабее его. Ощущая внутри полный раздрай, Александр нехотя приблизился к телу, снял с лица покрывало и ошеломленно замер при виде того, что ему открылось. Скорее всего, нечто похожее испытал злосчастный киношный Петруха из «Белого солнца пустыни», когда фальшивая Гюльчатай наконец-то открыла перед ним свое бородатое личико. У ног Журбина лежал парень лет восемнадцати. Его лицо покрывала густая черная щетина.

«Тьфу ты, чертовщина! – с некоторым облегчением отметил он. – Выходит, это в некотором смысле Абдулла, а не Гюльчатай. Ну что ж, они сами нарвались, пытались меня убить...»

Он разыскал в траве переговорное устройство, вылетевшее из его кармана, нажал на нужную кнопку и негромко сообщил:

– Это восьмой. Я на внешнем периметре. У меня три «груза двести». Нахожусь в проходе между нашей территорией и медресе. Прием!

– Это первый! – тут же откликнулась рация встревожен-

ным голосом Таранова. – Оставайся на месте, сейчас подойдем.

Всего через пару минут, топая, как стадо бизонов, к месту схватки примчалось не менее десятка спецназовцев и охранников во главе с Тарановым и Горяевым.

– Ну, ни хера себе! – Таранов огляделся и удивленно развел руками. – Что здесь вообще произошло?

– Когда я шел, вон тот, переодетый женщиной, неожиданно выскочил мне навстречу из-за угла. Эти двое тут же перескочили через ограждение сзади меня. Одного я вырубил сразу, другого использовал как прикрытие от выстрела из пистолета, ну а этого уложил кинжалом его же подельника, – предельно кратко доложил Журбин.

– Во дает! Охренеть! Ну, ты прямо Терминатор! – слышались удивленные возгласы.

– Все понятно, – доставая сотовый, резюмировал Таранов. – Надо вызвать их спецов из «Мухабарата». Это по их части. Пусть прочешут медресе. Похоже, там окопались ваххабиты. А ты, парень, молодец! Силен! Голыми руками троих вооруженных ломовиков сделал по высшему классу. Учись, хлопцы, как надо нести караульную службу! – Он по-арабски поговорил с кем-то по телефону, сунул его в карман и сообщил:

– Просили подождать здесь – скоро подъедут.

– Кстати, Леонид Алексеевич!.. – Горяев кивнул в сторону убитых бандитов. – Вам не кажется, что я был прав, когда

говорил о необходимости выдавать оружие и тем, кто обследует наружный периметр? Хорошо, что Журбин – он у нас один из лучших! – сумел справиться с этими тремя субъектами. А если бы нет?

– Петр Михайлович, поверьте на слово. – Таранов с тягостным вздохом безнадежно махнул рукой. – Я уже ставил такой вопрос и перед своим руководством, и перед местным. Местные обещали пойти навстречу, а вот наши уперлись. Дескать, возможны провокации!.. Ежели охранник применит оружие, то это может стать причиной скандала. Мол, нам еще демонстраций перед посольством не хватало. Даже после очень неприятного случая, когда в прошлом году без вести пропал один из наших охранников, Москва все равно добро не дала.

– А охранника того нашли? – спросил Горяев.

– Нашли... – Начальник охраны нахмурился. – Километрах в сорока от Дамаска, в пустынной местности пастухи случайно наткнулись на бугор из булыжников. Разобрали – а под ним обгорелый труп. Только по коронкам и смогли определить, что это наш работник. Версия была такая, что исламисты заманили его в западню, там подвергли пыткам и убили, после чего тело вывезли из города.

– А чем его могли заманить? – почесав затылок, поинтересовался Володька Плужников.

– Чем обычно и заманивают. Женщиной. – Таранов иронично усмехнулся. – Как говорят шпионы, медовая ловушка.

Мужики, которые здесь работают постоянно, как правило, привозят с собой семьи. Одиноким, конечно, хуже приходится. Вот и мои охранники маются. Они здесь, как на вахте, — по полгода. Попробуй выдержи, коль не давал монашеского обета. Из-за этого кое-кто и начинает бегать по местным красоткам, рискуя собственной головой. Так что, ребята, лучше перетерпеть, чем домой уехать в цинковой упаковке.

Вскоре появились несколько сирийцев, одни в строгих цивильных костюмах, другие в полицейской форме. Вместе с ними прибыл и переводчик, молодой парень в штатском, который весьма неплохо говорил по-русски. Сашке пришлось в деталях рассказать о происшедшем, показать, откуда именно прыгнули двое бородачей, где он был в тот момент, кто и что говорил или кричал, по секундам расписать последовательность схватки.

Один из тех, кто был в штатском, мужчина средних лет с властной осанкой слушал его и лишь кивал в ответ, не говоря ни слова. Остальные занимались обычными следственными действиями: фиксировали положение тел убитых, снимали место происшествия на фото, а показания Сашки — на видео. Когда Александр закончил свой рассказ, штатский сообщил, что этих людей их спецслужба искала уже полтора года. На счету этой троицы имелось не одно убийство, в том числе и функционеров правящей партии БААС. Он пожал Сашке руку, распорядился отвезти трупы в морг следственного отдела и отправился восвояси. Таранов догнал его и о чем-то

спросил. В ответ сириец утвердительно кивнул, видимо, дал согласие.

Начальник охраны вернулся к своим людям, удовлетворенно улыбнулся и пояснил:

– Начальник здешнего отдела «Мухабарата» пообещал, что уже сегодня нам будет дано письменное разрешение на ношение оружия за пределами территории посольства. Ну а своих как-нибудь я теперь уломаю. Думаю, козыри у нас серьезные.

Этим же вечером стало известно, что службисты из «Мухабарата» проверили весь контингент учащихся и преподавателей медресе. Среди них были обнаружены пять человек, внедренных саудовскими ваххабитами. С этого дня всем тем, кто проверял наружный периметр ограждения, стали выдавать табельное оружие – пистолеты Стечкина, а по желанию и боевые ножи.

Александр Журбин мгновенно стал местной знаменитостью. Когда он дежурил на территории и у ворот, с ним теперь здоровались даже те, кого он вообще не знал, особенно молодые незамужние женщины, работавшие в посольстве или входящие в состав семей дипломатов. Будучи по своей натуре человеком совсем не тщеславным, он несколько тяготился этим и старался не попадаться на глаза своим неожиданным-негаданным поклонницам.

В тот же день, когда произошла его схватка с ваххабитами, десантники и охранники по своей инициативе организовали

небольшую пирушку. Сперва они помянули коллегу, погибшего в прошлом году, потом выпили за Сашкин успех, за то, что он расквитался с ваххабитами за убитого ими парня.

Один из охранников, здоровенный, как штангист-тяжеловес, назвавшийся Коляном, уже несколько захмелел. Он достал из нагрудного кармана какой-то предмет, отлитый из меди и уже потемневший. Присмотревшись, Журбин узнал мастерски сработанную фигурку барса, изготовившегося к прыжку.

– Держи и владей! – Колян широко размахнулся, шлепнул своей толстенной лопатообразной ладонью по Сашкиной и вложил в нее замысловатую вещицу. – Этот амулет лет пять назад подарила мне одна местная бабуса за то, что я спас ее внука. Парня в проулке метелила какая-то шпана. Я как раз был в увольнении, заметил это безобразие, навешал им хороших кренделей, а пацана отвел домой. Вот его бабуля и дала мне этого барса. Сказала, что удача меня теперь никогда не покинет.

– Ну, так зачем же расставаться с такой вещью? – Сашка пожал плечами и недоуменно взглянул на Коляна.

– Да мне он уже вроде бы и ни к чему. Через пару дней отбываю домой, в Питер, – мечтательно улыбнулся он. – По жене соскучился – сил нет. Ну, все, сюда, наверное, уже больше не поеду. Хватит! И моя пилит – надоело жить одной, и пацаны ноют, мол, папка, не уезжай. А тебе понадобится. Тут, я чувю, через годик-другой будет жарковато. Не случай-

но же вас в подкрепление прислали, да? Ну а ты молоток! И вправду Терминатор. Так что, выпьем за твои успехи?

– Давай! За Саньку, за удачу! – услышав его предложение, подхватил Федька Антохин уже довольно зыбким голосом.

– За удачу! – заорали все остальные, поднимая рюмки.

В этот момент в бытовку общежития, где и происходил банкет, вошли Горяев и Таранов. Голоса тут же стихли.

– Это что за тайная вечеря? – строго рыкнул начальник охраны.

– Леонид Алексеевич, тут у нас такой повод... – начал объяснять один из охранников, но Таранов его перебил:

– Что за повод, нам известно. Вопрос в другом. Почему никто не догадался пригласить свое горячо любимое руководство?

Поняв, что нахлобучки не будет, парни троекратно гаркнули «ура», после чего банкет был продолжен.

– А ты давно женат? – продолжил Сашка начатый разговор.

– Уже десять лет. – Колян опрокинул рюмку и ностальгически вздохнул. – Причем половину своей супружеской жизни проторчал здесь. А куда денешься? Живем в съемной квартире, ну а тут платят хорошо, да и подкалымить можно. На двухкомнатную где-нибудь в пригороде уже набрал. Нет, если бы не заработок, я сюда не поехал бы. У нас тут столько семей распалось – охренеть. Ведь не все же бабы могут поехать сюда? Хоть ей, хоть ему – как вытерпеть полгода? –

пьяным голосом продолжал откровенничать Колян. — Моя тоже поехать не смогла. У нее мать лежит больная. Как оставить без присмотра? Ну а я, когда уезжал, жену сразу предупредил: хоть раз гульнешь — тут же брошу.

— А сам-то как? — многозначительно улыбнувшись, спросил Журбин.

— Сам?.. Ну, если честно, то грешен. — Колян ударил себя кулачищем в грудь. — И не единожды. — Тут он перешел на полусшепот: — Ну а если начистоту, то скажу, что баб я тут перешерстил — целый полк. Как иначе-то? Я же мужик, зарабатываю на квартиру, на жизнь. Если пару недель женщины нет — все, крышу у меня срывает напрочь. Но ты-то, я вижу, из серьезных... От своей гулять не собираешься? Молодец. Ну, что сказать — уважаю таких. Но мне такого не дано. Давай выпьем за то, чтобы твоя тебя была достойна, верна, преданна, чтобы обязательно тебя дождалась.

Если пожелание Коляна, улетевшего в Россию к своей семье, и было услышано небесами, то выполнено с точностью до наоборот. В первых числах августа Сашка получил от Аллы заказное письмо. До этого они регулярно перезванивались, поскольку письма шли нестерпимо долго. В середине июля отчего-то начались перебои со связью, а потом она и вовсе пропала. Причем только с Аллой. С родителями, проживающими в провинциальном городке на Саратовщине, с братом и сестрой, с друзьями, разговоры всегда проходили

отменно. Но только не с ней. Потом Сашке удалось узнать, что Алла нашла хорошую работу в Москве и уехала туда.

Наконец-то она ему хотя бы написала. Отчего-то волнуясь, Журбин разорвал конверт и развернул лист бумаги. Он сразу же узнал аккуратный, ровный почерк Аллы.

«Здравствуй, мой дорогой, мой любимый Саша! – бросилось ему в глаза, и тут же, вопреки прочитанному, болезненно заныло где-то слева в груди. – Сразу же хочу сказать: прости! Прости меня за все, в чем я была и буду неправа. Но согласись, жизнь – это не рождественская открытка, где наш жестокий мир выглядит как сплошная сказка. Вовсе нет. К сожалению, не всем нам – прежде всего я имею в виду себя! – дано быть стойкими, как декабристки. Наверное, это были особенные люди. А я вот нет.

Хотя, клянусь, я ничуть не лицемерила, когда обещала тебя дождаться. В тот момент я была уверена, что так все и будет. Тем более что я еще со школы думала только о тебе. И вот, казалось бы, моя мечта сбылась – мы с тобой вместе, и даже годичная разлука меня вначале не пугала.

Мне нужна была работа, а здесь найти ничего не удалось. Юристов у нас наштамповали, как блинов напекли. Я поехала в Москву и очень удачно устроилась в хорошую юридическую фирму. Все как будто начало налаживаться. Но неделю спустя наш хозяин поставил передо мной условие: я становлюсь его любовницей или должна уйти. Я ушла. В другом месте мне это же условие поставили прямо с порога. В

общем, нашла себе работу билетерши в одном кинотеатре, по совместительству еще и убиралась там. Как-то раз у меня купил билет один итальянец по имени Алессандро. Что интересно, он чем-то даже на тебя похож. Предложил встретиться. Я отказалась. Он стал меня буквально преследовать, и слава богу! Когда я дня через три шла вечером с работы, на меня напали двое каких-то азиатов. Здесь их зовут гастерами. Не знаю, осталась бы я жива или нет, но тут подоспел Алессандро.

Он смело вступил с ними в схватку, был ранен в руку ножом, но все равно не отступил. На мои крики кто-то вызвал наряд милиции. Азиатов задержали, а Саша – теперь я его так зову – взялся проводить меня до общежития, где я снимала комнату, хотя ему и требовалась медицинская помощь. Я была жутко напугана, меня всю трясло, я не помнила саму себя. Он остался, чтобы мне не было так страшно и одиноко. Утром я поняла, что мне нет прощенья, и разревелась. Саша стал утешать, сказал, что полюбил меня с самой нашей первой встречи и был бы счастлив, если бы я согласилась выйти за него замуж. Тогда я сказала ему о том, о чем не говорила даже тебе. Я беременна. Отец ребенка сейчас служит в армии и находится где-то очень далеко. Да, Саша, это правда. Но он сказал, что сделал бы мне предложение, если бы даже у меня была дюжина детей.

Почти неделю я все думала и думала. С Сашей у нас больше ничего не было, но он каждый день встречал меня после

работы с цветами и провожал до дому. Однажды я вдруг поняла, что это, наверное, наилучший выход для нас с тобой. Мне скоро рожать. И куда я потом с маленьким? Домой, к родителям на шею? А как я посмотрю тебе в глаза потом, когда ты вернешься? Поэтому прошу еще раз – прости, но мы с Алессандро в конце июля расписываемся и уезжаем в Италию. Его родные знают обо мне, они не против нашего брака. Наверное, когда ты получишь это письмо, я уже буду далеко от России. Саша, надеюсь, я не стану для тебя очень большой потерей, и ты воспримешь эту новость спокойно. Прошу тебя, попробуй меня понять. И еще я очень хотела бы, чтобы ты все равно был по-настоящему счастлив. Пусть та, другая, которую ты однажды обязательно встретишь, сделает это. О будущем малыша не беспокойся. Однажды я обязательно расскажу ему, кто его отец.

Прости и прощай!

Алла».

Закончив чтение, Сашка некоторое время сидел, недвижимо глядя в окно. То, что он узнал из письма, его, без преувеличения, ошеломило и даже потрясло. Опершись локтями о колени, он обхватил голову руками, лишь представив свою любимую женщину в руках бродяг. Но теперь она уже не его. Все рухнуло!

«Господи, да за что ж мне такое?! – Журбин стиснул кулаки. – Неужели за то, что я не дал себя убить, вступил в неравный бой с теми, кто сам по горло в крови? Если ты есть,

Господи, то где же твоя справедливость?!»

В какой-то миг его горло стиснули спазмы, в глазах защипало, и он почувствовал, как по щекам жгучим кипятком прокатились две слезинки. Это словно отрезвило Журбина. Он устыдился своих чувств, вскочил с койки и быстро огляделся. Не заметил ли кто? Потом Сашка поспешил смахнуть свидетельства своей минутной слабости, принял спокойный и даже невозмутимо-независимый вид.

Неожиданно кто-то тронул его за плечо. Журбин оглянулся и увидел перед собой охранника Пашку Самарина, бывшего «вована». Они уже несколько раз пересекались. Бойкий и даже бедовый Паоло, как именовали его приятели, любитель выпить на халяву и покуролесить от души, пару раз подходил к Сашке на спортплощадке с просьбой поделиться приемчиками рукопашки. Журбин охотно взялся подтянуть его, но Паоло оказался аховым учеником. Вскоре выяснилось, что его дыхалки не хватало для выполнения некоторых специальных упражнений. Чтоб поправить дело, надо было бросить курить. На такую жертву Паоло не пошел, сразу же потерял всякий интерес к занятиям, но с Журбиным все равно периодически контактил.

Вот и сейчас он подошел к Сашке, приятельски подмигнул и от всей души, будто не зная, что Журбин табак на дух не переносит, предложил:

– Пойдем, что ли, покурим?

Но Сашка еще до конца не пришел в себя и лишь нетер-

пеливо отмахнулся.

Самарин тут же утратил все свое шутовство и уже совершенно серьезно поинтересовался:

– Ты чего это такой скучный? Случилось что? А ну-ка дай-ка сюда!

Он бесцеремонно взял из Сашкиной руки письмо, не спрашивая разрешения, быстро пробежал его глазами, после чего ненадолго задумался.

– Саша, я понимаю и ее, и тебя. – Паоло покачал головой. – Девка попала в трудную ситуацию, и ей пришлось выбирать. Это бывает. Может, оно и к лучшему? Ну, раз не срослось – значит, не судьба. Я ведь тоже что-то похожее пережил. Только у меня было еще хуже. Моя ненаглядная вышла замуж за моего лучшего друга за неделю до того, как я вернулся из армии. Представляешь? Приезжаю домой, у нас в деревне – пир на весь мир!.. Полное о-го-го и у-гу-гу!

– И что же ты? – скорее из вежливости, нежели из любопытства спросил Журбин.

– А ничего! Пришел на свадьбу, их поздравил. На гармошке наяривал, пел там, плясал!.. Девки за мной целым табунном бегали. Был момент, я так понял, когда даже моя несостоявшаяся спутница жизни жалеть начала, что такого дурака сваяла. Ну а я пару недель отгулял и поехал в Белокаменную искать работу. Тут Колян подвернулся. Мы с ним в одном полку служили. Да, тот самый, который не так давно уехал. Он меня сюда и определил. Живу – не тужу. Но

ты, я вижу, это письмо слишком уж близко к сердцу принял. Смотри, говорят, что в таких случаях некоторые даже крышей трогаются. Нет, я серьезно.

– Паша, нервы у меня нормальные, – отмахнулся Сашка.

– Ну да, они у всех нормальные. А вода, как известно, по капле камень точит. Оно как бывает? Днем вроде и забылось, потом, глядишь, взяло да и пришло во сне. Когда рюмку опрокинешь, тоже может прийти с не вполне предсказуемыми последствиями. Шутки с этими грустными делами плохи!..

– Ну и что же ты предлагаешь? – Журбин почувствовал, что Пашка куда-то клонит, и выжидающе посмотрел на своего новоявленного опекуна по части душевных терзаний.

Тот с авторитетным видом заложил руки в карманы и заговорил, глядя в пространство:

– Короче, Санек, я тут обретаюсь уже два года, а потому хорошо знаю всех здешних табибов и прочих целителей. Знаешь, какие тут есть спецы?! Руками поводит, чего-то там по-своему пошепчет, и все!.. Ты уже как новенький. Депрессуху как ветром сдувает. А она у тебя налицо. Лечиться надо. Нет, конечно, можно зайти к Екатерине Васильевне, нашей докторше. Ну, выпишет она тебе валерьянки. Так это ж сколько ее надо выпить, чтобы прийти в норму?!

– А это далеко отсюда? И сколько стоит прием у такого табиба? – недоверчиво вглядываясь в Пашку, уточнил Журбин.

– Вот это другой разговор! – оптимистично заулыбался тот. – Значит, чтобы не напрягать ситуацию, давай съездим к одной бабушке. Это рядом, минут десять на автобусе. Лечение может влететь баксов в двадцать. Все зависит от серьезности процедур. В местных деньгах это тысяча, но результат того стоит. Так что, едем? Отлично! Я сейчас улажу вопросы с начальством, и вперед!

Парни вышли из бело-оранжевого автобуса в одном из старинных кварталов города и зашагали по многолюдной шумной улочке.

– Минут пять ходьбы, и будем в аптеке, – пояснял Паоло. – Гарантирую, эффект стопудовый.

Вскоре он подошел к двери двухэтажного кирпичного дома и дернул за шнурок. Внутри что-то тренькнуло, на пороге появился усач средних лет с настороженным взглядом. Как видно, он узнал Пашку и расплылся в улыбке.

– Привет, Али! – Самарин заговорил по-арабски. – Мы с другом пришли подлечиться. Почему сегодня процедуры?

– А, здравствуй Паоло, здравствуй! О цене не беспокойся. По десять баксов с хороших ребят будет в самый раз. Прощу! – Он сделал гостеприимный жест.

Парни отдали ему деньги, вошли внутрь, разулись у порога и поднялись по скрипучей, но чистенькой деревянной лестнице на второй этаж. Сашка сразу почувствовал, что воздух этого дома напоен какими-то типично восточными

благовониями – мускусом, сандалом и еще чем-то совершенно непонятным.

Пашка подошел к двери, явно знакомой ему, распахнул ее и слегка подтолкнул приятеля в спину.

– Заходи!

Шагнув внутрь, Журбин ошарашенно замер. Никакой древней бабули-целительницы он не увидел. Парни оказались в небольшой комнатухе, с обеих сторон которой были дверные проемы, закрытые занавесками, видимо, ведущие в смежные помещения. На крохотном диванчике сидели две улыбающиеся восточные красотки, одетые в весьма откровенные наряды. В комнате горели свечи в старинных канделябрах, приглушенный дневной свет, прорывающийся через оконные шторы. Сашка мгновенно понял, куда попал, и сделал шаг назад, чтобы выйти, но наткнулся на Пашку, вставшего за ним.

– Ты куда меня привел? Охренел, что ли? – Журбин сердито насупился и огляделся. – Оставайся тут и развлекайся один, а я пошел!

Но Пашка бросил на него ироничный взгляд прожженно-го, завязатого циника, недоуменно пожал плечами и заявил:

– Саша, ты чего расхотелся, как дитя малое? Ты прямо как будто боишься утратить свою невинность. Чего испугался? Девочек, что ли, не видел? «Куда привел...» Куда надо, туда и привел! Ты бы на свою физию в зеркало глянул, когда письмо читал. С такой мордой вешаются или стреляются.

Клин клином вышибают, понял? Вот тебе лучшее средство выйти из ступора.

– Мы ему не нравимся? – чуть удивленно спросила одна из обитательниц этой лекарни, которая прислушивалась к их разговору, но, наверное, не понимала по-русски ни слова.

– Нравитесь, – по-арабски ответил Пашка. – только у моего друга проблемы. Его любимая девушка вышла замуж, и он сейчас немного не в себе.

– Как жаль, что она так поступила!.. – Красотка подошла к Журбину, бережно взяла его за руку и печально вздохнула. – Идем, ты мне сейчас все расскажешь, и тебе станет намного легче.

К воротам посольства они вернулись уже в сумерках. Прийти шли молча. Но если Сашка испытывал массу самых разных противоречивых чувств, то его спутник был однозначно умиротворен и жизнерадостен.

– О чем мыслишь, Спиноза? – покосившись в сторону Журбина, неожиданно спросил Пашка. – Все еще считаешь, что наша поездка в лекарню была непростительной ошибкой?

– Разве я тебе об этом говорил? – Журбин пожал плечами. – Хотя... да, подловил ты меня здорово. Только интересно, для чего тебе это все понадобилось? Скучно было одному ехать поразвлечься?

Пашка коротко хохотнул и пояснил:

– Ты не поверишь, но я и в самом деле боялся, что ты застрянешь в своих переживаниях и в какой-то момент надумаешь отправиться к гуриям в мир иной. Раз уж мы на Востоке, то куда еще может угодить новопреставленный? Только к ним. Так зачем уходить отсюда навсегда, если проще съездить к гуриям вполне материальным? Во всяком случае, я теперь уже на все сто уверен в том, что в петлю ты не полезешь.

Горяев, как раз откуда-то возвращавшийся, увидел их у входа в общежитие и недовольно окликнул:

– Эй, орлы! Где это вы так долго шлялись? Сказали же, что вернетесь засветло!

– Петр Михайлович!.. – голос Пашки звучал абсолютно серьезно и даже чуточку патетически. – Болезнь Санька имела столь глубокие корни, что два престарелых табиба, работая поочередно, еле смогли вернуть его к жизни. Но теперь он здоров как бык и готов совершить еще немало славных подвигов. Правда, Саша?

Журбин хотел что-то ответить, но тут его неожиданно потрясло от дикого хохота. Судя по всему, это была своего рода защитная реакция на события минувшего дня. Горяев, ошарашенный столь странным взрывом эмоций, даже отпрянул назад. Сашка с немалым трудом утвердительно мотнул головой и поспешно удалился. Ему было бы неловко в этом признаться, но циничное, шарлатанское Пашкино лечение и в самом деле оказалось вполне действенным. Пусть в ду-

ше пока и саднило от ощущения невозвратности потери, но горестное отчаяние исчезло. С какого-то момента Журбину начало казаться, что утраченное осталось где-то очень далеко позади, в какой-то прошлой жизни.

Глава 5

В самом конце июля в кабинет главы оборонного ведомства Федрюкова вошел генерал-лейтенант Иванов. Вызванный был стоически спокоен и как будто совершенно невозмутим. Доложив по форме, генерал выжидающе посмотрел на хозяина кабинета. Исподлобья глядя на своего гостя, Федрюков откинулся в кресле и молча указал пальцем на стул. Иванов чуть заметно кивнул в ответ и не спеша сел, держа в руках кожаную папку с документами.

Генерал уже успел заметить, что интерьер министерского кабинета за прошедшее время радикально изменился. Теперь он больше напоминал будуар голливудской кинодивы, но никак не самый центр военного ведомства.

– Владимир Юрьевич, меня интересует ваша непонятная активность в Закавказье, – выдержав паузу, заговорил Федрюков с нотками недовольства в голосе. – Как я понял из вашего последнего доклада на имя президента, вы намерены отправить туда группу спецназа ВДВ, которая подготовлена для работы на территории Грузии, ныне суверенной. Поясните суть.

– Я исходил из геополитических интересов России и реальной тактической обстановки, – не спеша, с достоинством начал свой ответ его собеседник. – Как явствует из данных, полученных армейской разведкой и агентурой ГРУ, в бли-

жайшее время следует ждать крупномасштабных провокаций в Южной Осетии и Абхазии. Грузинское военное командование проводит мероприятия, характерные для стороны, готовящей нападение. Поэтому наш центр, выполняя указания, полученные от высшего руководства страны в лице ее президента, начал разработку вариантов нейтрализации возможных направлений агрессии режима Саакашвили.

Федрюкова очень уязвило упоминание о том, что глава государства давал прямые указания этому генералу, минуя его кабинет.

Министр язвительно поинтересовался:

– И какие же варианты нейтрализации вами предусмотрены?

– Хотел бы надеяться, товарищ министр, что данная информация не выйдет за пределы этого кабинета. Так вот, если вкратце, то бойцы спецназа, внедренные на территорию потенциального агрессора, отслеживают обстановку и изучают основные, особо уязвимые узлы военно-технической структуры грузинской армии. Нападение, скорее всего, будет внезапным, ведь его никто не ожидает! В этом случае они тут же приступят к выполнению боевого задания. Его суть – выведение из строя систем энергоснабжения, связи, управления войсками.

– То есть тот же самый терроризм, – несколько выпренно, даже с некоторой вычурностью резюмировал Федрюков. – Генерал Иванов, я тоже изучаю разведданные и не нахожу в

них ничего похожего на то, о чем сейчас говорили вы. Вам не кажется, что все эти ваши выводы о подготовке Грузией нападения на Южную Осетию и Абхазию являются всего лишь плодом вашей больной фантазии? Может быть, вам не терпится повоевать, поэтому вы готовы спровоцировать военный конфликт для удовлетворения личных амбиций?

Иванов удивленно посмотрел на министра, который четко прочитал в его взгляде однозначное резюме: «Ну, ты и дурак, однако!» Федрюков самолюбиво поджал губы и нервно забарабанил пальцами по крышке стола.

– Вы со мной не согласны? – не дождавшись ответа, спросил он уже довольно резким тоном. – Нет, вы ответьте, будьте любезны! Я так понял, ваши люди намереваются провести на территории чужого государства серию терактов, в результате которых могут пострадать мирные жители.

– Нет, я с вами не согласен. – Уже догадываясь, к какому финалу клонится разговор, Иванов невесело усмехнулся. – Наша задача – не убийство, тем более мирных граждан, а срыв военной агрессии. Создание ситуации, когда она становится осуществимой с трудом или вообще невозможной. Кстати, это куда более благоприятный исход для самих жителей Грузии. Да, именно для них. Если нападение все же совершится, то наша страна будет вынуждена принять ответные меры военного характера. А это будет означать только одно – тысячи смертей. Сначала мирных осетин или абхазов. Потом наших и грузинских солдат. Этот сценарий кажется

вам предпочтительным?

– В общем, так. Я больше не желаю слушать подобный бред. Между Грузией и Южной Осетией стоят совместные миротворческие российско-грузинские посты. Не хотите же вы сказать, что грузины откроют огонь по своим людям? Поэтому приказываю отозвать всех, кого вы туда отправили. Немедленно! Нам еще не хватало обвинений со стороны всего цивилизованного сообщества в нагнетании агрессивных замыслов. Вы меня хорошо поняли? Теперь еще вопрос. Что там за группа спецназа ВДВ проходит подготовку в Подмосковье? Этих-то вы куда готовите?

Иванов мысленно отметил нескрываемую неприязнь министра к самой аббревиатуре «ВДВ». «Пламенная любовь» Федрюкова к этому роду войск была общеизвестна. Потом генерал пояснил:

– Как вы, должно быть, знаете, в странах Магриба и на Ближнем Востоке в последнее время складывается очень сложная обстановка, что создает повышенные риски для наших дипломатических миссий, находящихся там. Поэтому МИД попросил подготовить бойцов спецназа ВДВ для усиления охраны российских посольств.

– Ну, это еще куда ни шло. – Федрюков даже кивать умел важно, с осознанием своей значимости. – Хотя хочу отметить, что и здесь налицо явное несоблюдение служебной субординации. Почему о подобной операции международного масштаба я узнаю в последнюю очередь? Впрочем, ладно.

Что с вас возьмешь? Когда солдаты отбывают к месту прохождения службы?

— Через неделю, — лаконично ответил Иванов. — Товарищ министр, у меня есть информация о том, что в скором времени намечается перевод нашего Генштаба на другое место дислокации.

— А вам откуда это известно? — Федрюков подозрительно воззрился на этого не в меру информированного генерала. — И почему это вас так интересует?

— Я думаю, что переезд стоило бы отложить до будущего года. Или хотя бы до середины этой осени. — Иванов задумчиво смотрел на подлинник Айвазовского, явно доставленный в министерский кабинет из какого-то крупного музея.

— С какой стати? — Министр измерил своего собеседника пренебрежительным взглядом.

— Генштаб — это мозг армии, обеспечивающий ее дееспособность. С учетом риска возникновения военного конфликта в Закавказье никак нельзя лишать армию управляемости даже на самое короткое время. Если Генштаб удастся перевезти всего за день, то его структуры минимум месяц будут работать со сбоями. Да и какая, скажите, нужда переводить Генштаб в другое место?

— Генерал, не забывайтесь! — раздраженно отчеканил Федрюков. — Вы не тот, перед кем я должен отчитываться. Но я отвечу. Вы что, хотите, чтобы штаб работал в ветхом, готовом завалиться здании?

– Это ветхое здание выдержит прямое попадание авиабомбы! – Иванов поднялся из-за стола и усмехнулся. – Разрешите идти? Честь имею!

В первых числах августа у здания Генштаба Российской армии наблюдалась странная суета. Солдаты и даже офицеры, некоторые с полковничьими звездочками, поспешно выносили из здания и укладывали в грузовые фургоны всевозможное штабное имущество – мебель, сейфы, оргтехнику, горы папок с документацией, в том числе и той, что имела гриф «Строго секретно». Так могла бы выглядеть съемочная площадка фильма о последнем дне Помпеи. Переезд удалось завершить лишь к седьмому числу. На новом месте началась разборка завалов, дележка кабинетов. Прокладывались линии связи, предпринимались попытки наладить элементарный быт. Дежурные сообщения и груды документов, прибывающие в штаб, принять было практически некому, как и отдавать распоряжения на места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.